

Шурина улыбка

Шура в годы войны.

Береги колхоз – получишь хлеба воз

Мама Анна Алексеевна умерла в 1933-м от неудачного абортa. 34 года, седьмой ребенок, разгар коллективизации. Боялась она нового рта. Хотя из предыдущих детей выжили всего трое – Шура, родившаяся 17 мая 1922 года, тремя годами младше Настя, еще двумя – Леша, но и тех было не прокормить.

Еще до колхозов, пока мама была жива, жили Клименовы в родном селе Блохино под Коломной неплохо. Как все: лошадь, корова, куры, надел земли. Из односельчан выделялся разве что дядька Матвей. Была у него в «богатствах» молотилка. Пользовалось все село. За обмолот платили работой. Кто вспашет надел, кто несколько дней побатрачит при молотилке. За жестокую эксплуатацию крестьянской бедноты дядьку Матвея раскулачили. Когда его ночью вместе с домочадцами увезли, блохинцы тайлись по избам: «Господи, минуи нас чаша сия...» Так и не видели больше Матвееву семью. Может, в лагерях Волгостроя сгинула, может, в болотах Приобья...

Для оставшихся сельчан начался колхоз. Лошадь у Клименовых забрали. Корову оставили. Отец Петр Николаевич за мзду лесникам косил для нее по лесным полянкам. Молоко утренней дойки мать несла в колхоз.

– Не просите, с вечерней дам, – отмахивалась от ребятни.

Трех куриц тоже оставили. Все яйца мимо детских ртов – в колхоз. А больше трех куриц Клименовы завести не могли. Зерна им на прокорм надо. А его и людям нет.

У Шурочки улыбка что солнышко в погожий денек. Ну не первая красавица. И не надо! Зато обаяшка, жизнелюбка, хохотушка! Из тех девчонок, в которых мужики влюбляются «за легкий характер» да на всю жизнь. Свою ясную улыбку Шурочка, в девичестве Клименова, в замужестве Александра Петровна Азаева, сохранила и в 97. Удивительно. Ведь жизнь по современным понятиям была – боль

Повздыхает мама Аня над курами и детьми, закинет мешок за спину – и пешком в Москву за крупами. Уходит утром, к вечеру в столице. Ночует у сестры Матрены Алексеевны – работницы ткацкой фабрики, коммунистки и важного, не чета деревенским, человека. Следующий день давится в очередях. При удаче грузится «добычей» до дрожи в ногах и ночью возвращается домой.

Полуголодное, но такое сладкое детство с мамой оборвалось, когда Шура окончила четыре класса. Семилетки в Блохино не было, и вдвойне уже к тому времени отец отправил старшую в соседнюю деревню. Два года исправно платил за ее кормежку и проживание. Потом грянуло первое укрупнение колхозов. Блохино в 40 дворов как перспективное село ликвидировали, деревенские дома перевезли на центральную усадьбу. Петр Николаевич переезжать туда не пожелал, взял мизерную компенсацию за дом и перебрался поближе к Москве, в деревню Парфентьево. Денег хватило только на бывший пчельник, квадратов этак в девять. В нем вдовец поселился вместе с младшими Настей и Лешей. Денег на Шурин седьмой класс не было.

Но под увесистыми тумаками судьбы Шурочка в свои тринадцать сама уже стала взрослая да хваткая. Не растерялась, поехала в подмосковный Егорьевск, поступила в ФЗО. Жила впроголодь. Вскоре услышала: набирают курсы медсестер. А на них кормят!!! В общем, устроилась получше отца. Окончила курсы, пошла медсестрой в психиатрическую больницу в Балашихе, получила общежитие, на законных основаниях раз в день ела вместе с больными. А потом началась война...

Солдатское дело – воевать умело

В начале войны отец, даже не отдав младших в детдом – мол, сами справятся, ушел на фронт. Настя и Леша остались в пчельне одни: без еды, без средств. Война стремительно катилась к Москве. В Парфентьево закрепился госпиталь из Можайска. Оголодавшая Настя попросилась туда.

– Не могу я тебя, несовершеннолетнюю, взять! Посадят меня! – горячился начальник госпиталя.

– Возьмите! Все-все буду делать, – умоляла девочка. – И платить не надо. Только кормите...

Сжалились, взяли сироту на кухню. Вскоре вместе с госпиталем Настя отбыла на Дальний Восток, вернулась в 46-м.

Четырнадцатилетний Леша остался с собакой. Приблудилась откуда-то. Все лето и осень 42-го спасались вместе. Жили в худом сарайчике на окраине села: бывший хозяин пчельни выгнал пацана на улицу. Ночью грели друг друга, днем Леша стрелял из рогатки ворон, опаливал на костре и делил с мохнатым другом. В ноябре стало совсем плохо. Подросток пошел к бывшей учительнице:

– Леша!? Что же ты раньше не пришел?

– Думал, не нужен никому, – угрюмо бубнил Алексей

Добрая женщина взяла его за руку, повела по инстанциям: пристройте, пропадет...

Лешу определили в Егорьевское училище на слесаря. Когда в 44-м Красная армия освободила Севастополь, отправили туда чинить корабли.

О судьбе родных Шура узнала только после войны. Тогда же увидела похоронку: отец пропал без вести в 44-м.

Шурина повестка на фронт прилетела 1 мая 1942 года.

– У всех праздник, День трудящихся, а у меня горе, – сейчас с улыбкой вспоминает Александра Петровна.

Тогда пришлось поплакать. Ну не всем быть героями-добровольцами! Шура уже наголодалась, замерзла, настрадалась. Только жизнь устаканилась, и опять по новой! И все-таки она стала хорошим бойцом: четко исполняла приказы и вопреки всему осталась живой.

Личные победы

Шура попала в 3-ю Воздушную армию. Сначала на курсы связистов, где изучала рацию и стучала морзянку. Потом начальство покопалось в ее личном деле и вызвало на ковер.

– Почему молчала, что медсестра?

– Не спрашивали...

Так стала Шура медсестрой общего профиля. Нет, раненых с поля боя не носила. Это только в кино хрупкие девушки таскают на плечах мужиков. Шура лечила. Лечила не только военных летчиков, но и мирное население.

– Когда мы освобождали Белоруссию, к нам толпой шли белорусы, – вспоминает Александра Петровна. – Были они очень-очень бедные и очень-очень добрые. Я таких хороших людей больше нигде не встречала. Старались всем помочь, хотя из лекарств у нас были только аспирин и пирамидон.

Принимала Шура на линии фронта и роды: мальчик и девочка. Здоровые. Отвезла роженицу в госпиталь. Женщина кормила только сына. Дочери давала сладкую водичку. И девочка умерла от голода.

– Врачи знали об этом, – говорит Александра Петровна. – Не осуждали. Радовались, что женщина домой пришла хотя бы с сыном.

А.П. Азаева. 2019 год.

Свой боевой путь в составе 1-го Прибалтийского фронта через всю Белоруссию, Прибалтику до Кенигсберга Александра Петровна запомнила не только как холод, кровь, пережитый сыпной тиф и контузию, после которой она заикалась как бешеная. Были в ее личной войне и ее личные победы. Главная – борьба с тифом. Сыпной тиф, передающийся вшами, победить было нелегко. Вши были везде. Тиф Шура локализовывала: быстро определяла больных, везла в госпиталь, заботилась. Да и брюшной тиф – инфекцию высочайшей смертности, передающуюся через пищу, воду, бытовые предметы, Шура на вверенном ей участке победила.

– Когда входили в деревни, первым делом спрашивали, есть ли больные, – вспоминает Александра Петровна. – В одной белорусской деревне указали на женщину в бреду. Зашла в избу, вижу – брюшной. Из дома всех быстро выгнала. Больную – в госпиталь. Вернулась, растворила в ведре карболку, взяла веник и пошла дезинфицировать избу. Хорошо все сделала, не было в той деревне тифа.

За повседневный военный труд Александру Петровну наградили орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Белоруссии», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Вот и встретились два одиночества...

Когда наши войска входили в освобожденные населенные пункты, первым делом – помимо вычисления больных – Шура брала пробы воды из колодцев.

Пока анализ не был готов, оттуда не пили: отступавшие немцы часто травили источники воды. Изучив эту фашистскую тактику, СССР всерьез готовился к химической войне. На всех фронтах организовали курсы химзащиты, где курсантов учили пользоваться противогАЗами, нейтрализовать яды, разворачивать госпитали в условиях химических атак. Шуру послали на такие курсы учиться. Там познакомилась она с Лиджи – калмыком-сиротой: мать умерла при родах, отец погиб в степи, когда пас овец.

– Мне он не очень понравился тогда. Нерусский. А парень-то оказался настырный! Стал приходить: то тут болит, то там ноет. Лечила его. Не имею ведь права отказывать.

После войны, в 45-м, Шура вернулась в Балашинскую больницу. Жить здесь было еще голоднее и холоднее, и Шура не выдержала: рванула сначала в солнечный Фрунзе, затем на Алтай. Завела там мужа. Не любила, но думала никому в этой жизни больше не нужна. Это ощущение неприкаянного одиночества преследовало бы Шуру до конца жизни, если бы ее не нашел Лиджи. Он и сам после войны жил с женщиной. Не любил, она его – тоже. Так, подобрала после гибели мужа-офицера, чтобы не быть одной.

А у Лиджи с Шурой все-таки была любовь. Они прожили больше 60 лет. Родился сын Юрий, двое внуков. Жизнь наладилась. И улыбка, чудесная Шурочкина улыбка всегда была готова наполнить теплом хороших людей, которых Шура встречала на жизненном пути.

Елена СОЛОНДАЕВА
Фото автора
и из архива А.П. Азаевой